

А. Орус

Точка сохранения

<https://litres.ru/73977436>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Три не-поцелуя». «Пикник у реки». «Винная карта». «Геймерша». «Отражение».

Пять историй о напряжении между людьми, которые не торопятся его снимать.

Никакой пошлости. Только взгляды, жесты и тишина, которая говорит громче слов.

Содержание

Три не-поцелуя, или Варшавская мелодия с дымом Лафройга	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

А. Орус

Точка сохранения

Три не-поцелуя, или Варшавская мелодия с дымом Лафройга

Ледовый городок

14 января 2009

Площадь 1905 года тонула в синем зимнем свете.

Фонари ещё не зажгли, но витрины уже лили на лёд жёлтые лужи, где отражалась двадцатиметровая ёлка.

Мы с Ольгой бродили по лабиринту из ледяных глыб — прозрачных, как застывшая вода, и тяжёлых, как целые эпохи.

Она щебетала — радостно, легко, и её голос звенел в морозном воздухе, смешиваясь с детским смехом и криками катящихся с горок.

Потом остановилась у ледяной стены, сняла перчатку, смяла в кулаке монетку и начала согревать её дыханием.

— Зачем? — спросил я.

— На удачу, — улыбнулась она, прижимая тёплую монету к льду. — Пусть примёрзнет. Пусть останется, когда мы уйдём.

Я взял её руки — холодные, почти прозрачные — и сжал в своих ладонях, стараясь вернуть им тепло. Она не сопротивлялась, лишь смотрела на меня поверх наших сцепленных рук, и в её глазах отражались те же огоньки, что горели на ёлке.

В тот миг я подумал, что мы похожи на эти монетки.

Теплом встреч мы пытаемся приморозить к вечности что-то хрупкое — этот вечер, этот смех, ощущение, что кроме нас никого нет.

А вокруг — целая жизнь, огромная и холодная, как этот ледяной город, и мы всего лишь две фигурки в его бесконечном лабиринте.

Она быстро, почти по-воровски, провела ладонью по моей щеке.

Кожа вспыхнула — то ли от прикосновения, то ли от мороза.

— Пошли, — сказала она. — А то замёрзнем.

Я лишь крепче сжал её руку и подумал, что, возможно, нам хватит этого тепла, чтобы растопить любую глыбу.

Первый не-поцелуй. Ганина Яма.

Сентябрь 2005

Она вышла из театра в белом кашемировом пальто.

Улыбчивая блондинка, двадцать лет. От неё пахло прохладой и дорогими духами, которых я тогда не знал.

Она только что смотрела «Варшавскую мелодию». Название спектакля я узнаю лишь спустя годы.

А тогда это была просто мелодия, которую я не слышал, но видел — в её смехе, в лёгкости, с которой она села в мою машину.

Я хотел её поцеловать.

Яркий осенний день, поворот к монастырю, уединение, молодость, начало — казалось, всё складывалось идеально.

Но она открыла люк в крыше, встала во весь рост, раскинула руки и подставила солнцу не губы, а всё своё двадцатилетнее существо.

Я сидел за рулём, и передо мной не было её лица — только освещённые осенним светом бёдра в тугих джинсах.

Прикосновение осталось нерождённой возможностью, застывшей в воздухе.

Она выбрала солнце.

И этим сказала всё: наша история будет не о взятии, а о даре.

Я тогда не знал, что та, что тянется к небу, — бывшая «алконимфа», официантка из бара, певшая с гитарой в переходе.

И что на её телефоне — заставка с собакой и надписью: «злая как сука».

Второй не-поцелуй. Сумка на заднем сиденье.

2015 год

Спустя десять лет я узнал название того спектакля. И многое ещё.

Что она теперь управляющая, а не официантка.

Что её муж контролирует каждый шаг, и наше общение — её тихий, точный бунт.

Что вместо дешёвого вина она выбирает дымный Laphroaig и мягкий Macallan — не только из-за вкуса, но и потому, что вкус стал языком, на котором мы разговариваем.

Она тянулась за сумкой на заднем сиденье, слишком долго и красиво изогнувшись — жест, отточенный до перформанса.

Я смотрел на неё, замороженный этим театром.

Потом перевёл взгляд — и встретил её глаза.

В них не было вызова. Было осознание — точное и тихое: она знала, что я вижу не просто тело, а весь её путь — от «алконимфы» к филологу-матерщиннику, от гитары в переходе к таблицам продаж.

Мы понимали: говорим на одном языке, где «бомо» — прилагательное, а «злая как сука» — лирическое отступление.

Это был не призыв, а вопрос:

«Ты всё ещё говоришь на моём языке?»

Поздний вечер. Мы болтали о пустяках — и обо всём сразу.

Я, желая поразить её, процитировал первую строчку, пришедшую в голову — обрывок стихотворения из юности:

«Как кусочек
стекла, голубое море у Линдона»

Она не задумалась ни на секунду. Её голос в трубке был тихим, как будто она всю жизнь ждала этого момента, чтобы ответить:

«Облака добела отстирались летними ливнями»

Мы продолжили этот дуэт через километры проводов, строфа за строфой, пока не дошли до финала:

«Как кусочек стекла, голубое море у
Линдона»

В трубке повисла тишина — густая и звонкая, как тот самый осколок.

Мы поняли: мы не просто цитировали стихи. Мы прочитали вслух нашу общую карту.

На ней было «голубое море» — пространство двадцати лет.

Была «тень всемирного зла» — её повседневность, мои

демоны, взрослая усталость.

И был «рог с фигуркой орлиною» — наши разговоры, зовущие в битву за само существование этого моря.

Всё стало на свои места.

Мы были не влюблёнными.

Мы были хранителями одного и того же хрустального ландшафта,

который с годами не помутнел, а, как кусочек стекла, отполированный временем, стал только звонче.

Третий не-поцелуй.

Настоящее время

Мы не целуемся до сих пор. Вместо этого — ритуал.

Иногда она присылает фото из спортзала, смеётся, проверяет меня на прочность.

Она — тургеневская девушка, просящая избавить её от подробностей моих историй,

и та самая собака с заставки, способная одним сообщением разрушить мою уверенность.

Как-то после отпуска с мужем пришло сообщение:

«Наконец-то мои коленки встретились.»

Я представил эту сцену: уставшее, довольное тело, любимый муж, и наш с ней диалог — «секс на уровне мозговых волн»,

который, возможно, для неё важнее и реальнее физического.

Мы не дарим друг другу вещи — мы дарим контекст.

Отсылку к общей мелодии, которую всё ещё слышим, даже не зная названия.

Мы так и не поцеловались.

Потому что поцелуй — это точка.

А мы пишем многоточие.

Самую длинную фразу в моей жизни,

где дымный виски — запятая,

а фраза про коленки — новый, горький и откровенный абзац.

Когда я смотрю на неё сейчас, понимаю: тот первый не-поцелуй у Ганиной Ямы был не отказом.

Он был камертоном.

Он настроил наши жизни на одну частоту,

где важны не обладание и не исключительность,

а чистота резонанса.

Где два человека двадцать лет слышат одну и ту же, никому другому не слышную, варшавскую мелодию.

Как кусочек стекла,

Голубое море у Линдона.

Облака добела

Отстирались летними ливнями

И, может быть, — в этом и был наш поцелуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.